

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вот и закончился ещё один учебный год. Много в нём было: открытия и потери, к примеру, ручек и грифелей; километры выученных параграфов и килограммы исписанных тетрадей; заслуженные похвалы и нагоняи (куда же без них?) и многое другое. Мы надеемся, что ваши головы немного потяжелели от накопленных за год знаний. Впрочем, впереди вас ждёт загорелое, необъятное лето для того, чтобы полностью опустошить их до 1 сентября.

5-й, 6-й, 7-й и 8-й выпуски журнала «Школьный вестник» мы решили сделать не совсем обычным. Без традиционных рубрик, чтобы они стали такими же лёгкими и беззаботными, как ягодное дыхание лета. Держите эти выпуски под рукой, не убирайте на дальнюю полку к учебникам. Обещаем, что они здорово скрасят самые знойные часы этих каникул.

Желаем сказочного лета, ярких впечатлений и до новых встреч на страницах журнала «Школьный вестник»!

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

6+

8/2020

ЧАСЫ С ВАРИАНТАМИ*

ПОВЕСТЬ

Однако утро оказалось не мудренее, а мудрёнее. На меня одна за другой посыпались загадки. Требовалось проявлять величайшую изворотливость, чтобы во мне не заподозрили самозванца.

Когда я проснулся, жены, слава богу, рядом не было. Зато тут же прибежала девочка лет семи, с косичками и бантиками, и с криком «Доброе утро, папочка!» бросилась меня целовать.

— Доброе утро, — сказал я. — Как тебя зовут?

— Даша... — удивлённо протянула она, но тут же засмеялась, подумав, что я шучу.

Я тоже рассмеялся, хотя и не думал шутить.

Я накинул какой-то халат, оказавшийся маловатым, и прошмыгнул в ванную, стараясь, чтобы меня не заметили. Там я наконец разглядел себя в зеркало. Отвратительная усатая рожа. Недолго думая, я схватил бритву, помазок и мигом сбрил усы. Я брился впервые в жизни, поэтому слегка порезался.

Я догадывался, что мне в ближайшее время предстоит очень многое сделать впервые в жизни. Где часы, будь они прокляты?!

Я вышел из ванной, получил лёгкий нагоняй от жены за то, что надел её халат, а также за сбритые усы и, обнаружив в шкафу мужскую одежду, подходящую по размеру, облачился в неё.

**Окончание. Начало читайте в № 7 за 2020 год.*

Когда я вышел на кухню, там уже кончали завтракать Петечка и Светка. Сестра очень изменилась, стала пышной дамой. Мне хотелось её обнять, но я посчитал это неуместным.

Вдруг мною овладело беспокойство. Где же мама? Где отец? Я вдруг понял, что в нашей трёхкомнатной квартире проживают теперь только моя и Светкина семьи. Неужели родители... Нет, этого не может быть! Но не спрашивать же об этом!

Я наспех позавтракал, стараясь подавить беспокойство и жалуясь на головную боль. Светка с Петечкой убежали на работу. Я пока не понял, на какую. Однако меня больше занимало собственное место в жизни. Куда мне-то идти?!

— Отведи Дашку в школу, — распорядилась Татьяна. — Я тебя подожду.

Мы с дочерью вышли на улицу, и я повёл её в свою школу, рассудив, что Даша учится именно там.

Я угадал. В школе я заметил двух-трёх знакомых учителей, правда сильно постаревших. Уже выходя из гардероба, столкнулся с Ксенией Ивановной.

— Серёжа, здравствуй! — она обрадовалась.

— Здравствуйте, Ксения Ивановна!

— Давно тебя не видела. Как наши?

Ей-богу, я хотел бы это знать больше неё.

— Работают... — отвечал я со вздохом.

— Ну заходи как-нибудь ко мне, поболтаем. Сейчас некогда, — она поспешила по коридору всё той же лёгкой походкой.

Я вернулся домой, хотя туда не хотелось. Татьяна уже была при параде, ждала меня. Я получил чёткие указания: купить после работы картошки и помидоров, захватил портфель, и мы вышли на улицу.

Оказалось, что у нас есть машина. «Жигули» неизвестной мне модели. Зачем же тогда Петечка предлагал какую-то тачку? Но этот вопрос уступил место другому. Я понял, что не умею водить.

— Голова раскалывается, — сказал я, дотрагиваясь до лба. — Может, ты поведёшь? — рискнул спросить я, не уверенный, что моя жена умеет это делать.

Она пожала плечами и села за руль. Облегчённо вздохнув, я устроился рядом.

— Завези сначала меня, — попросил я.

— А я пешком пойду?

— Нет, мне машина сегодня не нужна... («Мне она вообще не нужна, чёрт её дери!» — подумал я в скобках.) Я на метро приеду.

— Как знаешь...

Она строила из себя обиженную. Вероятно, за то, что я вчера так поспешно смылся. А может, за усы. Ладно, это не самое главное! Сейчас работать надо.

Жена привезла меня к большому новому зданию. В него входили люди. Как назло, у дверей не было никакой вывески. Я пошарил по карманам и нашёл пропуск. Там, рядом с моею фотокарточкой, было написано, что должность моя — ведущий специалист, а отдел имеет номер семнадцать.

«Хотелось бы всё-таки узнать — специалист по чему?» — не без злорадства подумал я.

Я чмокнул жену в щёку, посчитав, что так будет естественно, и смешался с толпой сослуживцев. Честное слово, я себя чувствовал гораздо хуже Штирлица в ставке Бормана. На всякий случай я кивал всем подряд. Многие отвечали мне тем же.

Вы никогда не пробовали искать своё рабочее место в учреждении, где вы служите? Смею заверить, что это

занятие принадлежит к разряду увлекательнейших. Тем более когда на дверях нет ни единой таблички. Прошагав с деловым видом по однообразным коридорам нескольких этажей, я понял, что этот метод не годится. «Сейчас возьму и спрошу!» — мстительно подумал я. Но было неудобно.

Везде что-то докрашивали, подстругивали, подвинчивали. По всей видимости, наше учреждение только-только вселилось. Мне попался плотник с деревянным ящиком, откуда торчали инструменты.

— Пожалуйста, зайдите в семнадцатый отдел, — дерзко сказал я. — У нас форточка не закрывается.

— Знаю, — проворчал он. — Дойдёт очередь...

— Нет, пожалуйста, сейчас. Дует. — Я был непреклонен.

Он взглянул на меня с неудовольствием, повернулся и пошёл по коридору обратно. Я последовал за ним.

Плотник привёл меня в мой отдел. Он находился на втором этаже. В комнате стояли пять столов. Четыре были заняты сотрудниками: тремя женщинами и одним молодым человеком лет двадцати трёх.

Я поздоровался...

— Здравствуйте, Сергей Дмитриевич! Вы мне ужасно нужны. Необходимо подписать письма. Пётр Тимофеевич уже заходил, интересовался... — с ходу затараторила одна из женщин, самая молодая.

Я кивнул и сел за свободный стол. Плотник, ворча, приступил к форточке, которая и в самом деле не закрывалась.

Сотрудница положила передо мной письма, отпечатанные на машинке, и я расписался против своей фамилии, мысленно поздравив себя с началом трудовой деятельности.

— Как-то странно вы сегодня расписываетесь... — удивилась она.

— Всё течёт, всё меняется... — пошутил я, с тоской вспоминая родной XX век и безмятежные школьные годы.

До обеда мне удалось установить, что начальник отдела Пётр Тимофеевич сидит в соседнем кабинете, а в этой комнате я — самый главный. Тщательно обследовав стол под видом уборки, я обнаружил, что наш отдел занимается чем-то связанным с экспортом электродвигателей. В папках лежали контракты, протоколы, договора, многочисленные письма. На многих из них стояла моя подпись. Я узнал, как она выглядит, и стал тайком тренироваться. До обеда мне прислали ещё четыре письма и два контракта. На телефонные звонки я попросил отвечать сотрудников, ссылаясь на ту же головную боль.

Но всё это чепуха. Самое главное то, что я нашёл часы. Они лежали в нижнем ящике письменного стола, под грудой папок, и были аккуратно запаяны по ободочку, так что раскрыть их не представлялось возможным. «Предусмотрительным стал, паразит!» — мысленно обругал я себя, то есть того Сергея Мартынцева, который приготовил мне все эти сюрпризы. Вообще я себе что-то не очень нравился.

Подгоняемый сердобольными соболезнованиями подчинённых, я перед обедом зашёл к начальнику и отпросился, пожаловавшись на невыносимую головную боль. Очень хотелось представиться, я с трудом удержался от этого. Начальник был лет сорока, аккуратный, застёгнутый на все пуговицы. Впрочем, я тоже.

Здесь все были застёгнуты, как я заметил.

— Пожалуйста, Сергей Дмитриевич, идите лечитесь. Если расхвораетесь, полежите дома. Не забудьте только к понедельнику подготовить справку, — сказал начальник.

— Хорошо, — сказал я, сжимая в кармане часы.

Я вылетел на улицу, как на крыльях. Свобода! Захотелось мороженого и в кино. Интересно, что идёт в кино в 2000 году? А что в магазинах? Но я вспомнил, что я теперь человек семейный, и отправился в овощной. Там были те же картошка и помидоры, что в XX веке.

Набив портфель овощами, я поспешил домой, чтобы продолжить свои исследования. «Кстати, неплохо было бы разыскать паяльник», — подумал я.

Ключ я нашёл в кармане. Отпер дверь и быстро обежал квартиру, как вор. Мне повезло: дома никого не было. «А как же Дашка? — вдруг подумал я. — Уроки в первом классе давно уже кончились. Может, она на продлёнке?» Странно, что я подумал о ней. Впервые сегодня увидел. С другой стороны, дочь как-никак. Рассказать бы это Толику с Максом — померли бы от смеха!

Но мне было не смешно. Я методично принялся исследовать квартиру, надеясь добыть драгоценную информацию относительно второй половины прожитой мною жизни.

Я быстро обнаружил, что Светка с мужем живут в бывшей комнате сестры, мы с Татьяной — в моей, а наши дети обитают в бывшей комнате родителей, разделённой ширмочкой. Затем я приступил к детальному изучению своей комнаты.

Сразу бросился в глаза видеомаягнитофон. Я приметил его ещё утром, сомневаясь, не ошибся ли? Проверка подтвердила: видеокассетник, японский. Видимо, отец привёз его из Японии уже после моего прыжка сюда. Видеокассет было довольно много.

Моего старого маягнитофона не оказалось, зато звуковых кассет было полно, среди них и старые, известные

мне. Гитар было две — акустическая и электрогитара. Интересно, зачем она мне? Неужели я умею играть?

Из документов, обнаруженных в ящике стояла, я установил, что наш брак с Татьяной зарегистрирован восемь лет назад. Её девичья фамилия оказалась Бессонова. Я также нашёл копию своего диплома. Профессия у меня была — экономист. Это ещё куда ни шло. Мог ведь оказаться врачом. Выкрутиться было бы труднее, хотя если участковым — то можно. Они всем прописывают одно и то же.

Из многочисленных отцовских открыток я узнал, что папочка за эти годы ещё трижды объехал весь земной шар. Это меня не удивило. Сведения были скудные, согласитесь. Главное, ничего о маме. Я стал перебирать видеокассеты, и тут мне повезло. Как видно, мой двойник или предшественник, не знаю, как его называть, — одним словом, Мартынцев, который жил здесь до меня, любил снимать на видеоплёнку памятные семейные события. На кассетах были карандашные надписи: «Рождение Никиты», «Никите годик», «Выпускной вечер», «Проводы в армию», «Свадьба» и так далее. Последней в этом ряду стояла кассета с надписью «Даша идёт в школу». Она была снята три недели назад.

Я начал с неё. Полчаса ушло на овладение японской техникой. И вот на экране появилась Даша с букетом, рядом с ней Татьяна, а с другой стороны — мама! Вот счастье! Мама жива и здорова и выглядит почти так же! Я чуть не подпрыгнул от радости.

Быстренько просмотрев сюжет в ускоренном темпе, отчего вся моя семья прыгала и бегала на экране, как в фильмах Чаплина, причём раза два мелькнул и я — какой-то нелепый, чему-то радующийся, — я перешёл к другим плёнкам.

Я узнавал своё прошлое в ускоренном темпе. Бегали, смешно обнимаясь и позируя, люди на экране, среди которых я временами узнавал знакомые лица; уезжали поезда, взлетали самолёты... Какой-то чужой человек с моим лицом вводил невесту в зал Дворца бракосочетаний, выносил свёрток с младенцем из родильного дома, получал аттестат зрелости...

Я вдруг подумал, что ничего этого уже не будет в моей жизни. Я уже проскочил.

Внезапно я увидел себя на сцене с гитарой. Я переключил скорость на нормальную. Я пел в составе ансамбля из четырёх человек на каком-то студенческом вечере. Песня была мне незнакома. Потом на сцену вышел ведущий и сказал: «Группа “Сальдо” — Сергей Мартынцев, Владимир Ряскин, Роберт Арутюнян, Глеб Старовский».

Они опять запели. То есть мы запели. Песня была ничего, с душой. Мне понравилось.

Я прослушал концерт до конца. Плёнка уже кончалась, как вдруг появилось изображение какой-то свадьбы — не моей, а другой, потому что свою я уже пробежал. У нас всё было как у людей. Здесь же праздновали с излишней помпой, в потрясающем банкетном зале... Видимо, свадьба была записана раньше концерта, а потом стёрта, так что остался лишь кончик с танцами. Я увидел себя — я был пьяный, неуклюже пытался танцевать. Наконец камера выхватила невесту и жениха. Я вздрогнул: это были Марина и Толик. Я выругался самым страшным ругательством, которое знал. Плёнка кончилась.

«Надо искать паяльник, распаивать часы и двигать отсюда», — подумал я апатично. Но куда? Теперь было всё равно — что вперёд, что назад.

Хотелось увидеть маму. Но как её разыскать? Я перелистал все записные книжки. Мамино телефона не было. Естественно, кто же записывает в книжку мамин телефон! Его знают на память.

Прибежал из школы Никита. Он был без косичек. Впрочем, тут же заплёл их и переоделся с явным намерением куда-то удрать.

— Ты бабушкин телефон не помнишь? Выскочило из головы, — сказал я.

— Нет, не помню, — он уже был в дверях.

— Странно. Ты разве не звонишь ей?

— А зачем? Она квартиру не хочет менять. Из-за неё живём тут как сельди в бочке!

— Что-то я не пойму. Да постой ты! Какую квартиру?

— Дядя Серёжа, ты не заболел? Бабка не хочет менять прадедову квартиру. Не хочет ехать в однокомнатную. Вредина!

Он убежал.

Я тут же оделся и поехал по дедову адресу.

Мать встретила меня как-то равнодушно. Я даже опешил. Всё казалось, что мне должны бросаться на шею после шестнадцатилетнего отсутствия. Может, мы с нею вчера виделись.

Но мы вчера не виделись, как вскоре выяснилось.

Я разговаривал с нею так, как вчера, на кухне, когда мы в последний раз ужинали вместе — там, в моей юности. Её, кажется, это удивило. Она потихоньку меняла тон, будто оттаивала. Начала улыбаться, но как-то робко, ещё не веря.

— Ты сегодня не такой, как всегда... — сказала она.

— Почему?

— Разговариваешь по-человечески.

А мы пока разговаривали на простые темы: как здоровье, о Дашиной учёбе... Тут я воспользовался видеофильмом, сюжет которого толково пересказал. Пришлось немного пофантазировать.

— Нет, ты сегодня совсем другой, — сказала она. — И усы сбрил. Правильно сделал, мне они совсем не нравились.

Я вдруг взял её руку, поднёс к губам и поцеловал.

— Помнишь, тут был порез? Уже зажило? — спросил я. — Ты чистила рыбу, потом мы сидели на кухне... И Никита толкался изнутри у Светки...

Мама заплакала:

— Господи, как давно это было. Неужели ты помнишь?..

Она поцеловала меня. Мне стало спокойно и хорошо, как в детстве.

— Мама, это было вчера...

— Да, будто вчера, ты прав...

— Мама, это правда было вчера.

И я стал рассказывать. Всё с самого начала. Мать слушала сначала с беспокойством, но через минуту лицо её прояснилось — она поверила.

— Да-да... Смерть деда. Я тоже от неё веду отсчёт. Очень многое после неё стало меняться. Ты резко изменился. Я приписала это переходному возрасту. Ты стал злее и циничнее. Почему-то был обижен на деда. Однажды в сердцах сказал, что дед тебя обманул.

Да, это бушевал в прошлом мой двойник, мой брат, мой однофамилец. Я улетел, а он остался. Он остался и решил, что часы на этот раз не сработали. Завод кончился. Наверное, он пытался прыгать ещё и ещё, но я прихватил с собой полюс гравитации, оставив ему лишь

красивую оболочку — точную копию часов в пространстве прошедшего времени.

Неудивительно, что он запаял их со злости. Хорошо, не выбросил. Я вдруг с ужасом подумал, что мой двойник, оставляемый в прошлом, уже не может пользоваться волшебной силой часов, а значит, они теряют для него ценность. И в то же время исключительно от него зависит, где я найду часы при скачке в будущее. Сегодня нашёл на службе, а ведь мог вообще не найти. Он вполне способен был их продать, например... Меня прошиб холодный пот от этой мысли. Чего-то я ещё не понимал в механизме действия часов. А мама и вправду уже разговаривала со мной так, будто мы не виделись шестнадцать лет. Она рассказывала мне мою жизнь, какой она её наблюдала со стороны, и это было гораздо прозаичнее тех телевизионных праздников, которые показал мне видеомагнитофон.

В десятом классе я поступил в вечернюю музыкальную школу, а потом, уже в финансово-экономическом, стал играть в ансамбле. Я и сейчас в нём играю «на танцульках», как выразилась мама. Мы в том же составе — все уже взрослые люди — мотаемся по пригородам и играем на молодёжных вечерах. За это хорошо платят. «Теперь понятно, на какие деньги я купил машину», — подумал я.

Вернувшись из армии, я устроился в своё учреждение. Мама не смогла точно сказать, как оно называется. «Электровнешторг...» и ещё несколько обрубков слов — это не совсем точно. Меня устроил отец, пользуясь связями. Теперь я чиновник.

По словам мамы, у меня не осталось проблем в жизни, кроме одной — квартиры. Так же как у Светки. Мы с

сестрой, а в особенности Петечка, требовали размена двух больших квартир — дедовой и нашей — на четыре маленьких. Но мать не соглашалась.

— Пстой, почему на четыре? — не понял я.

— Две вам и две нам с отцом.

— Как это?..

— Серёжа, мы с отцом развелись, когда ты был маленьким. Мы уже давно чужие люди. Нас связывали только дети, а теперь вы выросли...

«Хорошенькие дела...» — подумал я.

— Эта квартира, — мать окинула взглядом дедовский кабинет, где всё осталось на своих местах, — единственное, что сохраняет память о нашей семье. Жаль, что вы и ваши дети этого не понимаете.

Мама подошла к письменному столу, открыла ключиком средний ящик и вытащила толстую тетрадь. Я узнал её, так как видел совсем недавно. Это были мемуары деда.

— Здесь кое-что написано для тебя, — мама протянула мне тетрадь. — Я многого не понимала, я же не знала о часах, а дед писал так, что непосвящённый не догадается... Я ещё не показывала тебе. То есть тому... Но он ведь тоже мой сын! — вдруг возмутилась мама. — Я считала, что он... ты... в общем, недостоин.

Я взял тетрадь, перелистнул её. Страницы с обеих сторон были покрыты ровным бисерным почерком деда.

— Мама, что же мне делать?

— Жить, Серёжа. Просто достойно жить. Ты ведь ещё не занимался этим по-настоящему. Ни в одном из вариантов.

Значит она считала, что те шестнадцать лет, которые провёл на её глазах мой благополучный двойник, тоже не были жизнью? Тогда чем же?

«Так испохабить собственную жизнь!» — в отчаянье подумал я.

— Где отец?— спросил я.

— Он в Бризании... Ах, ты же не знаешь... Это в Африке. Новое государство. Когда приезжает, живёт здесь, в соседней комнате.

Мне необходимо было срочно всё обдумать и прочитать мемуары деда. Я спросил, могу ли я остаться в комнате отца. Домой мне совсем не хотелось. Я боялся даже представить себе момент, когда нужно будет снова лезть под одеяло к жене.

— Смотри, Таня может рассердиться, — сказала мама, но я понял, что она рада.

— Понимаешь, ма... — я мучительно покраснел, не зная, как сказать ей об этом. — Я не умею... быть мужем.

— Вот оно что, — мама улыбнулась. — А я думала, ты уже научился в своих путешествиях по времени.

— Да вот как раз времени-то и не было... — я развёл руками.

— Ну это не самое главное для того, чтобы стать мужем, — мама стала серьёзной. — Тут как раз совсем необязательно иметь голову на плечах. Хотя... голова нигде не помешает. Не волнуйся, Серёжа. Ты сам не заметишь, как это произойдёт.

«Хорошенькие дела...» — опять подумал я.

И всё же я не очень стремился побыстрее перейти этот рубеж. Поэтому позвонил Татьяне и довольно сухо сказал, что заночую у матери, она неважно себя чувствует.

По голосу жены я понял, что она в полном недоумении. По-видимому, подобная чуткость была мне раньше не свойственна.

С волнением углубился я в мемуары деда, открывая для себя его жизнь, которая ранее была известна мне лишь в отрывках. Я читал жадно, надеясь уловить в написанном совет или хотя бы намёк на то, как мне жить дальше. Для кого же писал дед, если не для меня? Я рассматривал его судьбу, всё время помня о том, что в руках у него находилась волшебная вещь, имелась чудесная возможность каждую минуту изменить ход своего существования и испробовать новый вариант судьбы. Но вскоре я почувствовал разочарование. Жизнь деда складывалась так, будто от него ничего не зависело. Начиная с девятнадцати лет она текла по строгим флотским законам, причём отсутствие выбора, казалось, совсем не тяготило его. Наоборот, он находил какое-то непонятное удовлетворение в исполнении приказов и предписаний, многие из которых казались мне идущими вразрез с его собственными желаниями.

Дед попал во флот по комсомольскому набору*, когда учился на втором курсе юридического факультета университета. Выходило, что он совсем не намеревался стать моряком, а хотел быть юристом, однако никакого сожаления по поводу такого неожиданного поворота судьбы я не встретил на страницах его мемуаров.

После окончания военно-морского училища дед получил назначение на Крайний Север. Там он командовал

*Комсомольский набор, или призыв — распространённый в СССР способ привлечения молодёжи к участию в крупных стройках или службе в армии. Комсомольская организация обращалась к своим членам, то есть практически ко всем молодым людям, с просьбой помочь стране в трудной ситуации и, например, отправиться служить на флот или поехать работать в районы Крайнего Севера. На такие призывы откликались многие тысячи людей.

тральщиком, потом эскадренным миноносцем. В этой должности его застала война.

Страница за страницей были посвящены описанию будничной флотской службы: походы, стоянки, ремонты, обучение молодых матросов, учения, парады... О семейной жизни дед писал скупно. Фраза, посвящённая появлению на свет моего отца, выглядела так: «Сын Дмитрий родился в июле сорок первого года, когда я не мог уделить этому событию должного внимания. Назван в честь деда».

И только тут, в описании первых дней войны, я обнаружил скрытое упоминание о том, что дед всё-таки воспользовался часами. Цитирую:

«Война началась неожиданно для многих, хотя её приближение ощущалось всеми. Я не был исключением. Мне казалось, что в запасе ещё есть какое-то время — может быть, год или два. В начале мая моё судно встало на ремонт в доках базы. Первый день войны мы встретили со снятой для переборки машиной и полностью размонтированными торпедными аппаратами. Если бы знать за месяц, мы успели бы в аварийном порядке закончить ремонт. Однако я нашёл способ достойно подготовиться к испытаниям. Уже на следующий день корабль вышел в море на боевое патрулирование».

Ясно, что за несколько часов вернуть на корабль разобранный дизель и восстановить вооружение невозможно. Дед вернулся на месяц назад, чтобы лучше подготовиться к войне. Это был тот единственный в жизни случай, о котором он упоминал.

Кстати, насколько мне известно, он не сделал даже попытки за этот месяц эвакуировать семью в более надёжное место, чем военный городок плавбазы, ко-

торый уже в первые дни войны подвергся бомбардировкам врага.

Окончание войны дед встретил капитаном первого ранга, кавалером орденов Нахимова и Красного Знамени.

Затем он окончил Академию Генерального штаба, командовал крупными флотскими соединениями, преподавал, вышел в отставку, а в последние годы входил в Совет ветеранов.

Жизненный путь деда представлялся мне ясным и логичным, несмотря на то что подчинялся железной необходимости воинских порядков.

Нельзя сказать, что он не делал в жизни ошибок. О них дед писал с беспощадной прямоотой, но нигде в его мемуарах я не уловил намёка на то, чтобы попытаться исправить ошибку с помощью имеющегося в его владении прибора. Это меня крайне удивило и даже раздосадовало, поскольку, на мой взгляд, свидетельствовало либо о его ограниченности, чему я не очень верил, либо о постижении им какой-то тайны жизни, в которую я не был посвящён. Вслед за жизнеописанием, занимавшим большую часть тетради, шли разрозненные по виду заметки, представлявшие собою результат наблюдений и размышлений. Привожу некоторые из них.

«Неизбежность смерти слабых людей приводит к бездействию, а сильных заставляет работать с удвоенной энергией».

«Как бы я жил, если бы начал жизнь сначала? Я много размышлял над этим, ибо имел разнообразные задатки, как всякий живой человек, и неизменно приходил к выводу, что прожил бы её точно так же. Следовательно, я доволен ею, не так ли? Да, но только в том смысле, что не сделал в жизни ни одного поступка, противного моей

совести, то есть прожил её достойно. Сейчас, глядя смерти в лицо, я понимаю, что сознание достойно прожитой жизни есть главный и необходимый её итог, а пережитые трудности, лишения, ошибки и неудачи лишь придают достоинству необходимую серьёзность».

«“За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь”, — гласит народная мудрость. Она таким образом указывает на разумность погони за одним зайцем. Но стоит ли за ним гоняться? Жизнь — это не погоня за зайцем».

«Трижды я оказывался в ситуациях предельно критических: дважды на тонущем корабле и однажды, как ни странно, на ковровой дорожке одного кабинета. Все три раза я имел время, чтобы изменить ситуацию на более благоприятную, но ни разу не воспользовался этим. Почему? С судьбой нужно сражаться честно. Либо честно победить её, либо так же честно умереть».

«Внуку. У людей в районе шеи, под кадыком, есть так называемая вилочковая железа. Тимус — по латыни. Она достигает наибольшей величины у грудных младенцев, к старости сходит на нет. Предполагают, что деятельность этой железы как-то связана со старением, с протеканием биологического времени жизни организма».

«Если бы смерти не было, её следовало бы изобрести».

«Хотел бы я снова стать молодым? Как ни странно, нет. Люди, мечтающие о возврате молодости, не отдают себе отчёта в том, что её очарование заключается прежде всего в новизне ощущений, а не в избытке сил. Старость — понятие не энергетическое, а информационное. Начать жизнь сначала можно лишь молодым старичком».

«Необходимость прожитой жизни определяется не тем, насколько твоя судьба совпала с собственными представлениями о ней, а тем, насколько совпала она с исторической жизнью народа того времени, когда ты жил».

Я закрыл тетрадь. Это было как приговор.

Достал он меня всё-таки, мой дед. Из-под земли достал. Из покинутого мною пространства достал.

Всё это он понял и рассчитал, не прибегая к эксперименту, задолго до того, как я начал свои прыжки и ужимки. А я, как последний дикарь, как трёхлетний младенец, баловался блестящей игрушкой, считая себя исключительной личностью.

Моя судьба не совпадала ни с собственными представлениями, ни с исторической жизнью народа.

Да и что, собственно, было исторической жизнью народа в то время, когда я метался по пространствам? На этой ровной исторической поверхности не наблюдалось ни одной революции, ни одной индустриализации, ни одной войны... Судя по рассказам мамы и кадрам видеокассет, я прожил свою маленькую жизнь так же, как миллионы сограждан — в необременительной борьбе за благополучие, за наиболее полное удовлетворение моих растущих потребностей. Я уже почти выиграл эту борьбу, если не считать квартиры. А мне только тридцать три года. Что же я стану делать дальше?

Несмотря на то что я жил так же, как большинство, что-то мешало мне признать мою жизнь эквивалентной исторической жизни народа. Но неужели отсутствие катаклизмов? Нет, это абсурдно. Отсутствие высоких целей и идеалов?

Но почему, бог мой, почему они были у деда? Откуда он их черпал? Откуда брал их его отец — профессио-

нальный революционер и политкаторжанин? Неужели я настолько испорчен и себялюбив, что не желаю народу счастья, а борюсь только за своё — непогрешимое и бесталанное, как будильник? Где он — народ?!

Я со злостью отшвырнул тетрадь. Я был зол на деда. Зачем ему понадобилось искушать меня? Я прожил бы свою тихую жизнь как придётся, не задумываясь о её смысле. Теперь же приходится решать уравнение со многими неизвестными.

Я достал из кармана записную книжку и стал её листать. Захотелось встретиться с друзьями, чтобы проверить, как они прожили этот период. Книжка меня поразила.

Она была устроена по функциональному принципу. Фамилии в ней практически отсутствовали, записаны были лишь имена, изредка с отчествами. Вместо фамилий имелись краткие пояснения; к какой сфере принадлежит абонент. Род занятий и оказываемых услуг. Почему-то эти слова тоже были написаны с заглавных букв.

Коля Джинсы, Марк Петрович Колбаса, Елена Сергеевна Зубы, Аллочка Авторучка, Надежда Тимофеевна Билеты, Саша Зонт, Николай Иванович Запчасти.

Или же другая группа: Миша Внешторг, Галочка Министерство, Семён Трофимович Референт.

Встречались абоненты, не поддающиеся никакой расшифровке. В основном женщины. Вера Адлер, Лена Белые Ночи, Люсенька Телогрейка и даже Эльвира Гопсо-смыком.

Решительно потряс меня Иван Иванович Бубу. Я решил, что это какой-то неизвестный мне вид услуг или продукт, появившийся в самом конце двадцатого века, и неожиданно позвонил по его номеру. Трубку поднял мужчина.

— Слушаю.

— Иван Иванович?

— Он.

— Это Серёжа...

— М-м...

— Мартынцев.

— Извините, не припоминаю. Вы чем, так сказать, богаты? Чему мы, так сказать, рады?

«Чем же я богат? — подумал я. — Экспортными электродвигателями? Танцами?.. Скорее танцами».

— У нас ансамбль, — сказал я.

— Ах, «Сальдо»! Так бы и сказали. Пока ничего нет.

— А когда будут?

— В следующем квартале. Звоните.

Он повесил трубку. «Бубу будут в следующем квартале», — меланхолично подумал я и набрал номер Макса. Он значился в записной книжке под своей настоящей фамилией. Я волновался. Как меня встретит старый друг? Ответил мне женский голос. Я узнал маму Макса.

— Здравствуйте, Ольга Викторовна. Это Мартынцев.

— Серёжа? — удивлённо спросила она после паузы.

— Максим дома?

— Да... Сейчас я позову.

Трубку довольно долго никто не брал. Затем послышалось шуршание, и голос Макса произнёс чётко и сухо:

— Я же сказал тебе, чтобы ты не звонил. Нам не о чём разговаривать.

Вслед за этим последовали короткие гудки.

Я повесил трубку, разделся и лёг спать на отцовском диване, где мама уже приготовила мне постель.

Я долго не мог заснуть. Смотрел на политическую карту мира, будто светящуюся в темноте комнаты на противоположной стене.

«Чужое... Чужое пространство...» — повторял я про себя, уже зная, что останусь в нём надолго, может быть, навсегда, потому что после всего, что я узнал, я не мог себе позволить удрать из него в лучшие пространства и времена. Необходимо было жить тут, пытаюсь по мере сил исправлять ошибки предшественника.

Я был готов его убить, то есть убить себя, растерявшего за каких-нибудь шестнадцать лет друзей, высокие порывы и идеалы юности. Мне показалось, что тихо улизнуть в другое пространство было бы подлым по отношению к Сергею Мартынцеву, который здесь сильно помельчал и омещанился. Как-никак я отвечал за него, ведь он был моим двойником. Я решил ему помочь.

Утром я отправился на работу с твёрдым намерением начать новую жизнь. На этот раз без помощи часов, по собственной инициативе.

Я проработал до обеда, ещё раз убедившись, что служба моя вполне посильна для человека с незаконченным средним образованием, каковым я по сути и обладал. Я даже принял какую-то делегацию и весьма толково заключил контракт на поставку электробритв в какую-то страну, появившуюся в мире на рубеже веков.

После обеда я пошёл к начальнику отдела и положил на стол заявление об уходе.

— Не понимаю вас, Сергей Дмитриевич, — он прочитал заявление и поднял на меня глаза. — Вам что-нибудь не нравится?

— Да.

— Что же? Оклад? Режим? Отношения?

— Я, — сказал я.

— Не понял...

— Я себе не нравлюсь.

Он подумал, отложил заявление:

— Директор будет возражать.

— Но я ведь имею право, не так ли?

— Право — это право, а долг — это долг. Подумайте, — сказал он, давая понять, что разговор окончен.

На следующий день мне приказом прибавили оклад, а начальник в разговоре объяснил мне, что мой уход сейчас крайне несвоевременен, поскольку учреждение только что пережило реконструкцию, переезд, так что не стоит увеличивать организационные трудности. Я продолжал подписывать бумаги и принимать делегации. Попытка начать новую личную жизнь также закончилась полным провалом.

Во-первых, для начала мне всё-таки пришлось стать мужем Татьяны. Мама оказалась отчасти права: это не потребовало особых умственных усилий, хотя было зрелищем смешным и жалким, если бы кто-нибудь смотрел. Как ни странно, моя жена вдруг переменяла ко мне отношение, стала ласковой, мягкой и даже красивой, чёрт возьми! Она стала мне нравиться больше. А сама так просто влюбилась в меня без памяти, всё время повторяя, что этого она ждала очень долго. Я никак не мог взять в толк — чего она ждала?

Разговаривать после всего этого о разводе было просто глупо. Зачем? На каком основании?

Во-вторых, Дашка. Я почти с ужасом стал замечать, что с каждым днём эта незнакомая, но симпатичная девочка буквально внедряется мне в душу, занимая там всё больше места. Лишённый в детстве отцовского внимания и просто общения с отцом, я теперь будто исправлял его ошибку, отдавая дочери всё свободное время. Это обстоятельство тоже не могло не укрепить семейную жизнь, тогда как я намеревался её разрушить.

По существу, новую жизнь удалось начать лишь в одном пункте: я перестал быть членом ансамбля «Сальдо», поскольку не умел играть на гитаре, а там это было совершенно необходимо. Мне пришлось выдержать неприятный разговор с коллегами и даже заплатить им неустойку за те концерты, которые уже были назначены.

Естественно, это не могло пройти незамеченным в семейной жизни. Потеря весомой прибавки к зарплате плюс неустойка снова отодвинули от меня жену, чему я был, честно говоря, рад. Меня уже начинали раздражать её ласки.

Короче говоря, эффект был незначительный. Сергей Мартынцев всячески сопротивлялся моему вмешательству в его жизнь. Он устроил её весьма прочно, с надёжной круговой обороной.

Поняв, что грубым наскоком я ничего не добьюсь, я решил потихоньку видоизменять свою жизнь в сторону улучшения. Для начала нужно было вернуть старых друзей. Задача осложнялась тем, что я не совсем чётко представлял, из-за чего мы расстались. Относительно Толика и Марины ещё можно было догадаться. Вероятно, мне было тягостно поддерживать отношения с бывшим приятелем и его женой, которая когда-то была моей первой любовью. Но что нарушило нашу дружбу с Максом?

Я набрался духу и поехал к нему. За те несколько недель, что прошли с момента моего прыжка, ни Макс, ни Толик, ни Марина ни разу мне не позвонили.

Максим открыл мне дверь. Он был в расстёгнутой старой рубашке и трикотажных спортивных брюках. С первого взгляда я понял, что друг мой сильно переменялся. Вместо весёлого, уверенного в себе человека,

признанного лидера и баловня судьбы на меня смотрел нервный, подозрительный субъект с взъерошенными волосами и взглядом отпетого неудачника.

— Пришёл? — с вызовом сказал он.

— Пришёл. Пустишь? — сказал я как можно дружелюбнее.

Он дёрнул плечом:

— Проходи.

Я зашёл в квартиру, где не раз бывал в юности. В ней царило запустение. Прежний уютный дом превратился в сарай, где без всякого смысла и порядка раскиданы были предметы мебели и гардероба. Посреди прихожей валялся спущенный футбольный мяч, морщинистый, как урюк. С голой лампочки свисала серебристая мишура, оставшаяся, по всей видимости, с празднования прошлого Нового года. На пыльном зеркале пальцем было написано: «Я пошёл в кино». В комнате было не лучше.

Я уселся на продранный диван, утонув в нём почти до пола, причём в меня со стоном впились изнутри железная пружина. Максим уселся на стул верхом и сложил руки на спинке. Я почувствовал, что он давно желал этого визита, но боится уронить достоинство.

Разговор был трудным. Я продвигался в нём ощупью, как в тёмной комнате, где когда-то бывал, но давно позабыл обстановку. Постепенно, с трудом в моей голове складывалась картина жизни Максима с той поры, когда мы разошлись во времени.

Началом всему было то злосчастное лето, когда мы уехали в КМЛ, а он отправился в Карпаты по туристической путёвке. Перед отъездом у них с Мариной произошёл серьёзный разговор, насколько он может быть серьёзным в шестнадцать лет.

Впрочем, именно в шестнадцать лет он может быть наиболее серьёзным по сути, определяющим дальнейшую судьбу.

Вернувшись, он обнаружил большие перемены. Выяснилось, что после моего объяснения с Мариной, когда она дала мне пощёчину, её вниманием ухитрился завладеть наш приятель Толик. Оказывается, мы с Максом дрались в классе, в начале нашего последнего учебного года. Выгоды из этого опять-таки извлёк Толик. Потом мы вроде бы помирились, но трещинка осталась. Вдобавок на Макса накатилась полоса неудач, к которым он не был готов.

Макс неожиданно не поступил в университет на филологический, и его взяли в армию. Это было для него большим ударом. Он привык быть удачливым, привык брать нужное ему не задумываясь, будто имел на это бессрочное разрешение. Оказалось, что срок существует и кончается с выпускным балом. Дальше всё стало даваться Максиму с трудом, к которому он не привык.

Когда он вернулся из армии, Марина была уже замужем, я заканчивал экономический институт, а ему предстояло начинать всё с начала. Из лидера он превратился в аутсайдера. Он опять недобрал на филфак, пошёл работать, и тут у него умер отец...

Я складывал хронологически биографию Макса из догадок, недомолвок и намёков. Постепенно моё смирение и желание восстановить дружбу помогли ему расслабиться. Наш разговор больше стал напоминать его исповедь.

— Она сломала меня, понимаешь? Никогда не думал... Главное, как я потом понял, не то, что мы расстались. Главное, что она Толика выбрала! — с горечью

говорил Макс, наклонив стул вперёд, так что он опирался на пол двумя ножками. — Вот где меня заело! Если б хоть тебя!

— Спасибо, — улыбнулся я.

— Что — спасибо! Скажешь, вы с Толиком могли мне что-то противопоставить? Объективно, а? Особенно он. Жлоб — он и есть жлоб. Но как она могла?!

Я тоже не понимал, как она могла, но я знал меньше. С внезапной смертью отца рухнул дом, мать заболела. Максим ухаживал за ней, а жизнь катилась дальше, и его старые друзья, то есть мы, всё дальше уходили от него: строили семьи, рожали детей, получали квартиры и должности. Макс потерял уверенность в себе, доверие к женщинам, стал мнителен и излишне амбициозен.

Окончательный наш разрыв, как я понял, произошёл около года назад, когда я предложил ему новое место работы, весьма заманчивое, куда мог бы устроить его по протекции. Макс уловил нотки покровительства, вспылал, наговорил мне кучу колкостей и обиделся навсегда.

Я вдруг понял, что в ломке и этой судьбы приняли участие дедовы часы. Ниточка тянулась из юности, беря начало в моём тщеславном желании испытать варианты жизни.

Между тем период влюблённости у жены, вызванный, как я полагаю, моей юношеской непосредственностью, закончился. Непосредственность перешла в посредственность. Учитывая существенную потерю в зарплате, это оказалось весьма существенным.

Шли дни, текли недели, и я всё больше убеждался, что живу с абсолютно чужой женщиной, которая к тому же недовольна произошедшими со мною переменами. Я скучал в кругу наших общих знакомых, находя их раз-

говоры глупыми или мелочными, я перестал гоняться за вещами, чему ранее посвящал много времени, я стал опускаться, как она выразилась. Татьяна сказала, что я пошёл по пути Максима.

Мой друг работал переводчиком технической литературы в издательстве, имел скромный заработок и совершенно не следил за собой. Своё свободное время он посвящал исследованиям по старой испанской литературе. У него на столе стояла чёрная металлическая статуэтка Дон Кихота.

После нашего примирения он стал бывать у нас, вызывая дополнительное неудовольствие жены. Мы вспоминали юность, тщательно обходя по молчаливому уговору Марину и Толика. Мне уже было известно, что у них двое детей, Марина работает художником-модельером, а Толик вертится по административной части.

Очень скоро моя семейная жизнь стала напоминать ад. Обычно я приходил домой около шести, удачно оформив очередной контракт на продажу партии вентиляторов или полотёров. К этому времени дома все были в сборе. Я входил в собственную квартиру как в зоологический сад с беспривязным содержанием зверей. Укрыться было совершенно негде. Лишь один домашний доверчивый зверёк — моя Дашка — подходил ко мне и лизался. Остальные были дикими зверями. Они так и норовили укусить.

Моя сестра стала за эти годы заместителем директора по производству в одном научно-производственном объединении, выпускающем промышленные роботы. Я не подозревал, что в ней столько деловых качеств. Она часто говорила про план, премиальные, внедрение, сетевое планирование и стимулирование. Моя жена её за

это презирала. Сама она была женщиной светской, не чуждой художественных устремлений. Среди её знакомых попадались режиссёры, художники и литераторы.

Петечка, как мне кажется, нигде не работал, но функционировал с бешеной энергией по части купли-продажи одежды, мебели и вообще всякой всячины, в чём ранее участвовал и я, то есть мой предшественник в этой семье. С Петечкой и его делами я порвал быстро и решительно, правда, с небольшим общесемейным скандалом.

Меня тайно поддерживал Никита, который ни в грош не ставил своего отца и интересовался лишь видеофильмами и аэробными девушками.

Аэробика вообще процветала. Её любителей и любительниц можно было встретить везде: на улицах, в магазинах, в троллейбусах. С маленькими магнитофончиками на шее и стереонаушниками на ушах они беззвучно дёргались, как марионетки, иной раз в самом оживлённом месте. Имелись коллективные системы аэробики, когда от одного магнитофона тянулся шнур со многими парами стереонаушников. Желающие могли подключиться к нему ушами и бились, точно под током, в едином ритме, связанные одной ниточкой.

Это рассматривалось как форма общения.

Я же общался с Дашкой. В выходные мы уходили на острова и бродили там в относительной тишине и спокойствии.

— Папа, расскажи про древность, — просила она. Для неё древностью была середина прошлого века. Я рассказывал про войну, опираясь на мемуары деда, потом переходил к временам, которые помнил сам.

Я бы давно улетел из этого пространства, если бы можно было прихватить Дашку с собой. Кстати, часы я всё-таки распаял и снова повесил на шею.

Вы спросите, какова была международная обстановка в том будущем, куда я попал? Обстановка была сложная.

Вы спросите, как одевались и чем питались в то недалёкое время? Одевались разнообразнее, питались однообразнее. Вы спросите, стали ли лучше люди? Нет.

Но и хуже они не стали. Люди оставались людьми во все времена. Надо сказать, что я адаптировался к новому веку на удивление быстро. Внешние новшества меня не занимали. Я приглядывался к моим постаревшим современникам, стараясь решить вместе с ними и за них один и тот же вопрос: зачем я живу? Не знаю, возможно, наличие часов и перебор вариантов делали этот вопрос для меня острее. Но я вдруг понял, что знаю, как не хочу жить, и в полном неведении относительно того — как хочу.

Я не хотел жить бесцельно и вяло, я хотел двигаться куда-то, проходить осмысленный путь. Я хотел иметь то ощущение достойно прожитой жизни, о котором писал дед.

Однако проходили месяцы, а ничего не менялось. Не считать же изменениями то, что мы переехали к маме на дедовскую квартиру, оставив Светку и Петечку в нашей? Теперь перевес в борьбе за себя был на моей стороне, ибо Татьяна осталась в одиночестве перед жизненными принципами, которые отстаивали мама и я. Собственно, это были принципы деда.

Я уже стал смиряться с тем, что придётся жить с Татьяной и впредь, как в один прекрасный день жена ушла от меня, забрав с собой Дашку.

Нет, она не улетела в другое пространство. Она переехала на соседнюю улицу к оператору научно-популярного кино, который в это время снимал фильм о времени и пространстве.

Ей-богу, я мог бы рассказать жене и о том, и о другом гораздо больше, чем любой оператор.

Жизнь совсем остановилась.

Мать получала пенсию, я — зарплату, которая отличалась от пенсии лишь размером. По воскресеньям приходила Даша. Она была вежлива. Дважды в неделю по вечерам приходил Максим. Мы с ним играли в шахматы.

Я ходил на футбол и хоккей. Правила той и другой игры не претерпели никаких изменений.

«Ну и часики! Ай да часики!» — мысленно восхищался я часами, временами вытягивая их из-под жилета. Я носил жилет.

Наконец из Африки вернулся отец. Мы встретились как чужие. Он был недоволен изменениями в моей семейной жизни, а также тем, что я теперь живу за стенкой. Так мы и существовали в разных комнатах одной квартиры, три обособленных и когда-то родных человека: мать, отец, сын.

Промелькнул год. Ничего не происходило. Отец уехал в Швейцарию. Я продавал насосы в Алжир. Мать ходила слушать оперы в Мариинку.

Наш шахматный счёт с Максом выражался соотношением 957:944. Лидировал Макс.

И тут я прыгнул, как в лестничный пролёт, ещё на пятнадцать лет в сторону удаления от Рождества Христова.

Это было именно так. Что-то зрело во мне и вдруг прорвалось в одночасье. Помню, когда я взялся за головку часов, мне было решительно всё равно, в какую сторону переводить календарь. Сзади я уже был, а впереди ещё нет. Я полетел вперёд.

Меня утешала мысль, что тот Сергей Мартынцев, которого я оставляю вместо себя, уже не будет прохин-

деем и дельцом, а останется, как я надеялся, добропорядочным, но несколько скучноватым холостяком, доживающим до пенсии.

Я решил сократить этот путь, уверенный, что пропустить пятнадцать лет такой жизни — всё равно что проспать лекцию о пенсионном обеспечении колхозников. Никто не заметит — ни ты, ни лектор, ни окружающие.

Совершив процедуру с часами, я оказался в автомобиле, который вёз меня по городу. На мне был солидный костюм и шляпа. Рядом на сиденье стоял портфель.

Впереди с шофёром ехал молодой человек, относящийся ко мне почтительно. Потом я узнал, что это мой референт.

В этом пространстве всё оказалось проще, чем в предыдущем. Мне даже не нужно было говорить. За меня говорил референт. Он вёл себя как рыба-лоцман рядом с акулой: то забегал вперёд, открывая двери и представляя меня кому-то, то оказывался рядом, готовый выполнить любое распоряжение, то отставал и оказывался в тени, как бы подчёркивая этим, что он выполняет сугубо черновую работу.

Итак, я очутился в начальниках какого-то учреждения и некоторое время руководил наобум, полагаясь целиком на референта. Часто приходилось сидеть в президиумах и зачитывать речи. Пешком я уже не ходил, вероятно, поэтому обнаружил у себя изрядное брюшко и плешь на макушке.

В личной жизни тоже произошли перемены. Во-первых, моею женой снова оказалась Татьяна. Во-вторых, Даша не жила с нами, а находилась почему-то в Тюмени, где работала и жила в общежитии. Как выяснилось,

она ушла из дому семнадцати лет, сразу после окончания школы. Мы с Татьяной занимали роскошную трёхкомнатную квартиру.

Мать и отец были уже совсем старенькими, жили там же, в дедовой квартире, и вроде бы опять сошлись, во всяком случае, вели общее хозяйство.

Это единственное, что понравилось мне в этом странстве, если говорить о семейных делах.

Я понял, что мой двойник, оставленный на рубеже веков, всё же дрогнул и пошёл по проторенному пути. Нельзя было оставлять его так надолго. Слишком мал был у него запас юношеских сил и принципов, которые я сумел в него вдохнуть. Жизнь потихоньку взяла своё, он образумился — именно так это выглядело со стороны — и начал делать карьеру, правда не прибегая к особенно подлым методам, в основном за счёт усердия в работе.

Но я всё равно никак не мог мириться с его нынешним положением, хотя, думаю, застал его на жизненном пике. И снова я предпринял попытку помочь ему стать человеком.

Я начал с того, что стал ходить на работу пешком, как все люди. Или ездить в автобусе. Это вызвало форменную панику среди референтов и секретарей. Поначалу меня сопровождала машина, которая медленно следовала за мной на всём пути от дома до службы. Я стал хитрить и играть с нею в прятки, пользуясь проходными дворами. Согласитесь, что начальник учреждения, бегущий трусцой проходными дворами мимо мусорных бачков, вызывает в лучшем случае недоумение.

Немного пообвыкнув и разузнав, какого рода деятельностью занимается наша контора, я стал сам говорить

речи на собраниях, не обращая внимания на текст референта. Это вообще произвело эффект разорвавшейся бомбы. Приближённые шарахались от меня, как от зачумлённого, зато рядовые сотрудники стали улыбаться при встрече и здороваться дружелюбно.

Нечего и говорить о том, что я обедал теперь в общей столовой, стоя в общей очереди с подносом, запретил Татьяне пользоваться служебной машиной и принимал сотрудников по личным вопросам в любое время, а не от четырёх до пяти по вторникам.

Мой демократизм не знал удержу.

Молодой референт стал ледяным. Его непроницаемый взгляд говорил только о том, что я рехнулся. Татьяна тоже задёргалась, тащила меня в санаторий и намекала, что в прошлом у меня уже наблюдались странные аномалии в поведении.

Слух о внезапном сумасшествии начальника распространился мгновенно. Самое обидное, что в него поверили все — даже рядовые сотрудники.

Кончилось тем, что меня сняли и кинули заведовать Дворцом бракосочетаний, ибо медицинское обследование не подтвердило психопатологии.

Перед новым назначением мне дали отдохнуть. Я попытался разыскать Максима, но он словно в воду канул. Мама сказала, что лет шесть назад Максим похоронил свою мать и уехал куда-то на Дальний Восток. Писем от него не обнаружилось.

Татьяна снова стала собирать вещички, со слезами упрекая меня в изломанной жизни. Это было достаточно скучно. Я взял билет и полетел к Дашке в Тюмень.

Забыл сказать про часы. Все эти годы они хранились у мамы, на том же дедовском письменном столе. Улетая в Тюмень, я прихватил их с собой.

В Тюмени я остановился в гостинице, а вечером отправился в общежитие. Это был обыкновенный жилой дом с квартирами. В каждой, занимая отдельные комнаты, жили молодые специалисты. Даша закончила нефтехимический институт и работала здесь по распределению*.

Я боялся, что дочь меня не узнает. Прошло шесть лет, как она рассталась с нами, и с тех пор мы виделись очень редко, если верить моей жене.

Мне открыла маленькая симпатичная девушка с твёрдыми смуглыми щёчками и раскосыми глазами. По виду татарка. Она вежливо улыбнулась мне и постучала в дверь к моей дочери.

— Даша, к тебе...

Даша возникла на пороге — молодая, красивая, с толстой золотой косой, перекинутой через плечо. Я задохнулся. Меня, будто горячим воздухом, обдало моей непрожитой юностью, и от этого на глаза навернулись слёзы. Я плакал от жалости к себе, от того, что мне никогда не испытать уже заманчивого таинства надвигающейся жизни, предчувствия любви и утрат.

— Папа... — сказала она.

— Я уже не начальник, — попытался улыбнуться я, но слёзы застили глаза. Боясь уронить их, я шагнул к

*В советское время выпускники институтов распределялись по предприятиям — вместе с дипломами они получали направление на работу. Предприятие могло находиться в любом городе или посёлке страны, поэтому одновременно с работой предоставлялось и жильё — комната в общежитии или даже квартира. Выпускники (которых называли молодыми специалистами) должны были проработать там, куда их направили, как минимум три года, прежде чем получали возможность искать новое место работы.

ней и обнял. Слёзы быстро скатились по щекам, оставив обжигающий след, и упали ей на плечо.

— Помнишь ту собаку, — говорила она, сидя на тахте с поджатыми под себя ногами и задумчиво расплетая косу.

Я помнил ту собаку. Я видел её совсем недавно в том пространстве, откуда прибыл, на Каменном острове, возле поваленной липы.

Собака приходила туда каждое воскресенье, когда Татьяна разрешала мне погулять с Дашей. Это была бездомная дворняга неопределённой масти, которая встречала нас, виляя хвостом, на одном и том же месте в определённый час. Мы приносили с собой её миску, а в пакете — еду, устраивались на поваленном дереве и наблюдали, как собака ест. Она вылизывала миску и благодарно смотрела на нас. Потом мы прогуливались по берегу, следя за лёгкими байдарками и каноэ, скользящими по Невке.

Не знаю почему, но всякий раз, оглядываясь на ту собаку с моста, чтобы послать ей прощальный привет, я чувствовал себя таким же бездомным, как она.

Так получилось, что мы с Дашей снова и снова возвращались воспоминаниями в тот год, когда я прыгнул к ним из юности и познакомился со своей семьёй. У меня просто-напросто не было других воспоминаний, но странно, что их не было и у Даши. Раннее детство она вообще не помнила, а то, что произошло после моего возвращения на путь истинный, как выражалась Татьяна, вспомнить не хотела. Семья формально склеилась, научно-популярный кинооператор канул в небытие, но дочь я потерял.

Теперь я вновь завоёвывал её доверие в тюменском общежитии, в краю нефти и газа, о которых знал

лишь понаслышке. О матери Даша спрашивала вяло, из вежливости.

Зато она сильно оживилась, когда я рассказал ей о своих подвигах в конторе. Сначала не поверила, посмотрела на меня с недоверием. Но потом глаза её заблестели, она засмеялась, откинув голову назад, а я, довольный её вниманием, с радостью изображал в лицах, как я убегал от персональной машины или менял местами президиум и участников собрания.

Однажды я и вправду проделал такой опыт, перед самым медицинским обследованием. На собрании, посвящённом Женскому дню, я усадил начальство на сцене в три ряда, а стол, покрытый красной скатертью, трибуну и микрофоны установил в зале.

— Ты совсем впал в детство...— отсмеявшись, сказала Даша.

Она немного ошиблась. Я выпал из детства прямо сюда, в так называемую зрелость.

Несколько вечеров подряд я провёл в общежитии молодых специалистов за разговорами, чаем и песнями под гитару. Мода на громкую музыку и аэробику уже давно прошла, песни стали теплее и человечнее. Конечно, я воровал у детей недоставшуюся мне молодость, оттого было немного стыдно.

Я почти влюбился в Дашину подругу Альфию, в её маленький носик и прямую чёрную чёлку. Я уже серьёзно подумывал о том, чтобы остаться здесь, в Сибири, и хотя бы последний отрезок жизни прожить как все нормальные люди. На пятый день пришла телеграмма от матери: «Умер отец».

В гостиной дедовской квартиры ещё дотлевали поминки, ещё витали в воздухе сбивчивые мемуары вете-

ранов, а мы с мамой и Дашей уже уединились в кабинете отца, решая, как мне быть дальше.

Даша прилетела со мною из Тюмени. В самолёте я рассказал ей историю часов.

— Странно... — задумчиво сказала она. — Получается, что ты мне чужой. А я помнила тебя таким, каким ты был, когда я ходила в первый класс, и все эти годы думала, что это и есть настоящий ты. Оказывается, ты прилетал ненадолго...

— Правильно думала. Это и был настоящий я. Все остальные не в счёт.

— С остальными я жила, — возразила она. — А ты прилетал как праздник... Такой же юный и непосредственный...

Даша сидела в любимом кресле деда и забавлялась с часами. Они опять ничего не весили. Приклеенный когда-то пятак затерялся где-то во временных пространствах. Даша отпускала часы и легонько дула на них, отчего они плыли по воздуху, как плоский мыльный пузырь.

— Как быстро всё прошло... — вздохнула мама. — Но не это обидно. Не получилось — вот что главное. Не получилось...

— Ты преувеличиваешь, — сказал я. — У тебя стройная жизнь, мне бы такую. Чего не получилось?

— Семьи не получилось, Серёжа. Мы все отдельно. От этого наши беды.

— Возьми их и начни сначала, — я указал на часы.

— Нет, я уже не смогу, — покачала головой мама. — Снова встретиться с отцом, помня об этих поминках... Нет, нет!..

— Ты можешь встретить кого-нибудь другого, а отцу отказать, — настаивал я с упорством, за которым скры-

вались мои тщетные попытки хоть что-нибудь понять в жизни.

— Нет. Это предательство, — тихо сказала мама.

— Но почему же? Почему?! — не выдержал я. — Вы прожили врозь почти всю жизнь. Вы не сошлись — не знаю уж чем! Зачем повторять эксперимент сначала?

— Во-первых, я ничего не собираюсь повторять, — холодно сказала мама. — Во-вторых, мы любили друг друга. Понимаешь? По-настоящему. А семьи не вышло. Так тоже бывает. Я не имею права искать своё новое счастье без него. Он мне не простит.

Даша думала. Часы плавали у неё над головой, отсвечивая золотом как лёгкий нимб. Если бы наш разговор слышал кто-нибудь из ветеранов, собравшихся в соседней комнате, он подумал бы, что мы сумасшедшие.

— Тогда я отдам часы Даше, — сказал я. — Как знать, может быть, ей они ещё пригодятся.

— Спасибочки! — сказала дочь. — После всего, что я о них наслышалась! Нет уж... — и она толкнула часы в мою сторону.

Они поплыли по комнате, как снаряд, целящий мне прямо в сердце. Я перехватил их и сжал в руке с такой силой, будто хотел раздавить.

— Оставь их себе, Серёжа, — сказала мама. — Каждый должен нести свой крест. По-моему, ты ещё не испытал всего, что тебе суждено.

— Да, видимо, так, — сказал я, нащупывая на оболочке кнопку открывания крышки.

— Пойдём к гостям, Даша, — сказала мама.

Они обе подошли ко мне и расцеловали, как перед дальней дорогой. Я снова остался один. Щёлкнул замок часов, и я увидел циферблат...

Безумно грустно покидать пространство, с которым ты успел сродниться. Эти разлуки равносильны смерти. Уезжая надолго, быть может, навсегда, человек не воспринимает это «навсегда» как нечто абсолютное, потому что остаётся в том же мире, в пространстве тех же измерений, что другие. Он может вернуться к близким в принципе, даже если обстоятельства судьбы или эпохи делают возвращение невозможным.

У меня не было такой принципиальной возможности. Каждый раз я улетал навсегда. Каждый раз, возвращаясь, я возвращался другим. Моё абсолютное «я» оставалось неизвестным моим родным, они каждый раз видели его относительную оболочку — очередного Сергея Мартынцева, который был для них единственным, но на самом деле являлся лишь частичкой абсолюта.

Сейчас, помедлив несколько секунд и произведя манипуляцию с часами, он вернётся в гостиную и сядет за поминальный стол, а тот, абсолютный, который и есть настоящий я, умчится в иные сферы опыта.

Куда же я бежал теперь? Чего хотел?

Я хотел найти свою истинную жизнь, то есть такую, которую мог бы полюбить после всего, что мне пришлось испытать. Я понимал, что найти такую жизнь путём случайных прыжков в другие пространства невозможно. Слишком много вариантов судеб разбросано там, слишком много...

Те варианты, что испытал я, были не лучше и не хуже других. Но везде, в любых временах, я обнаруживал одно пугающее обстоятельство — отсутствие любви.

В этом была причина несчастий и одиночества моих близких. В этом была причина бесцельности и скуки моих жизней.

Все варианты, которые я испытал, росли из одного ствола. Они росли из детства, куда я никогда не возвращался, боясь надолго утратить часы. Теперь меня уже не интересовало обладание ими. Я достаточно наигрался. Меня притягивал тот момент жизни нашей семьи, когда мать с отцом ещё любили друг друга. Ещё любили друг друга...

Мать сказала, что они разошлись, когда мне было пять лет. Значит, все остальные годы они делали вид, что любят друг друга, и жили вместе, чтобы не огорчать детей — меня и Светку. Вот почему отец колесил по земному шару!

И всё равно они не добились своей цели, потому что нельзя делать вид, что любишь. Можно только любить.

Вся наша разобщённая ныне семья росла из того корня, когда мать с отцом ещё любили друг друга. Ещё любили...

А потом перестали любить — и дерево зачахло, превратилось в отдельные побеги, не связанные друг с другом.

Я вернулся на сорок лет назад. Меньше чем в секунду я превратился из солидного мужчины, уже начавшего стареть, с залысинами и брюшком, в пятилетнего мальчика с прямой жёсткой чёлкой, большими серыми глазами и тоненькими ручками и ножками.

Этот мальчик ничего не забыл, ни единого варианта. Он знал жизнь почти на полвека вперёд.

Я оказался в семьдесят втором году, в декабре месяце. Была середина дня. Я лежал в кроватке в детском саду, видимо, отдыхая после обеда. Вокруг меня лежали современники.

Сначала я осторожно рассмотрел свои ручки и ножки, пытаюсь к ним привыкнуть. Они были нежными и слабыми. Я чуть не заплакал от жалости к себе, и мне стало страшно: что смогу сделать я в этом пространстве, обладая столь слабым телом, лишённый спасительных часов?..

Но раздумывать было некогда. В спальню вошла воспитательница Виолетта Михайловна, которую я смутно помнил взрослой высокой тётей с громким голосом. На самом деле она оказалась молоденькой девушкой, которая годилась бы мне в дочери и могла быть подругой Даши, находишь мы в предыдущем пространстве. И росту она была невеликого, и голосок у неё был негрозен.

— Дети, пора вставать, — сказала она, проходя между кроватей.

Я откинул одеяло, нашёл свою одежду и со смешанным чувством стыда и изумления стал натягивать детские колготки.

— Серёжа, тебе помочь? — спросила воспитательница.

— Благодарю. Я сам в состоянии, — ответил я.

Она удивлённо посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Дальнейшие события показали, что в этом пространстве мне нужно быть весьма осторожным, чтобы сохранить в целостности психику окружающих. Уже после полдника на занятиях по лепке из пластилина, что мне было как-то неинтересно, я отвлёкся и, найдя на столике Виолетты Михайловны газету «Комсомольская правда», углубился в неё. Мне хотелось узнать, что происходит в мире, точнее, что происходило в мире в период моего раннего детства. Просматривая хронику международных событий, я почувствовал, что кто-то смотрит на меня. Я

поднял глаза. Виолетта Михайловна стояла рядом, глядя на меня с неподдельным ужасом.

— Серёжа, что ты делаешь?

— Читаю, — сказал я. — Разве не видно?

— Ты умеешь читать? — растерянно спросила она. — Мы же прошли всего три буквы...

— Мне достаточно, — ответил я и снова углубился в чтение.

— Ах ты, проказник! Ты разыгрываешь меня! — рассмеялась она, давая мне лёгкого шлепка по задней части. — Иди лепи зайчика.

— Виолетта Михайловна, вы позволите мне не лепить зайчика? — вежливо спросил я. — Меня больше интересуют ближневосточные проблемы.

У неё остановились глаза, а затем она вихрем вылетела из комнаты. По коридору застучали её каблучки.

«Видимо, побежала к заведующей», — подумал я, свёртывая газету. Когда Виолетта Михайловна вернулась с нашей пожилой заведующей, я уже мирно лепил зайчика, общаясь со своими сверстниками по пространству.

— А мой зайчик лучше! — сказала моя соседка, белокурая толстая девочка с бантом.

— Я бы не сказал, — пожал я плечами.

Воспитательница и заведующая смотрели на меня во все глаза.

— Лучше! Лучше! — выкрикнула подружка и смяла моего зайчика. Я понял, что если сейчас иронически усмехнусь и проявлю рыцарскую сдержанность, то меня тут же уведут на обследование к детскому невропатологу. Поэтому я, переживая внутренний стыд, ибо был человеком воспитанным, вцепился ей в бант, крича:

— Мой зайчик лучше! Мой! Зачем ты испортила моего зайчика?!

Заведующая и Виолетта Михайловна облегчённо вздохнули, оттащили меня от приятельницы и поставили в угол. Там у меня было время обдумать стратегию поведения в этом пространстве.

Необходимо было снова стать ребёнком, иначе хлопот не оберёшься. С другой стороны, поддерживать искренние контакты со сверстниками — это значит обречь себя на духовный голод. Два года лепить зайчиков, а потом идти в первый класс?.. Утомительно.

Трудно, практически невозможно не обнаружить своего интеллекта, обладая им. Впрочем, справедливо и обратное.

Я весь извёлся, ожидая, пока мама заберёт меня из садика. Я очень волновался. Несмотря на то что мы расстались с мамой несколько часов назад, я почти физически ощущал пропасть в сорок лет, через которую я перелетел. Какой я встречу маму? Узнаю ли я её?..

На музыкальном занятии разучивали песню «Пусть всегда будет солнце». Текст я прекрасно помнил, поэтому исполнил песню первым, заслужив поощрение воспитательницы. Когда пел «Пусть всегда будет мама», на глаза навернулись слёзы. Проклятая старческая сентиментальность! Мои одноклассники повторили припев нестройным хором и без всякого чувства. Они ещё не знали, что мама — это не навсегда. Я испытывал жалость к этим детишкам и одновременно завидовал им.

Однако вместо мамы прибежал отец. Он был худ и чем-то озабочен. Быстро помог мне одеться, задавая дежурные вопросы: «Чем кормили?», «Какие буквы учили?».

Я смотрел на него с печалью, вспоминая поминки. Как скоротечна жизнь!

Он воспринял это по-своему, сказал:

— Ты какой-то смурной сегодня...

В сущности, он ещё ничего не знал о жизни.

По пути домой отец заскочил в телефонную будку и долго говорил с какой-то Люсенькой, в чём-то оправдываясь перед нею и скашивая глаза на меня. Потом мы пошли в магазин и купили гирлянду на новогоднюю ёлку. «Купи ружьё», — попросил я отца. «Денег нет», — сердито отрезал он. «А когда будут?» — поинтересовался я. «Отстань. Никогда», — мрачно пошутил он. Если бы ему сказать, что через десять лет он будет привозить из командировок джинсы и видеомэгафоны, он бы не поверил.

Мама встретила нас как-то буднично и хмуро. А у меня опять из глаз покатались слёзы. Как молода и хороша была мама! Как испуганно-ласково склонилась ко мне она, увидев, что я плачу! Я обнял её и уткнулся в тёплую грудь. Она гладила меня и целовала.

— Что случилось, Серёжа? — шептала она.

— Случилась жизнь, — прошептал я.

— Что? Что? — не поняла она. И вдруг заплакала тоже.

Причину маминых слёз я разгадал быстро. Достаточно было недели, чтобы понять, что счастье нашей семьи висит на волоске. Внешне всё обстояло благоприсстойно, но внутри зрел конфликт, причиной которого, как я понял, была некая Люся.

Моя мама — максималистка, как я уже упоминал. Характер её в молодости оказался таким же, как и в зрелом возрасте, если не твёрже. По намёкам и недомолвкам родителей я установил, что отец влюбился в машинистку редакции, где он работал, и теперь мучается, не зная, что делать. Мать, кажется, не собиралась его

прощать, машинистке же было лестно, что за ней ухаживает начальник отдела молодёжной газеты. Дело шло к развязке. Мама, как видно, надеялась, что анонимный звонок, благодаря которому она обо всём узнала, — злостная сплетня. Отец старался её в этом убедить, он лгал и изворачивался так, что мне было стыдно за него, но в семье становилось всё сумрачнее.

Моя старшая сестра ничего не замечала. Поразительная ненаблюдательность! Впрочем, она только что научилась складывать и вычитать и ужасно задавалась передо мною. Как-то за ужином она спросила:

— А сколько будет пять плюс три? Вот и не знаешь!

— Восемь, к твоему сведению, — сказал я.

— А трижды пять?

Она чуть не подавилась.

— Сколько же будет трижды пять? — заинтересовался папа.

— Пятнадцать, — пожал плечами я.

— А... четырежды пять?

— Двадцать.

— А семью... восемь! — округлив глаза, спросила мама.

— Пятьдесят шесть, — ответил я невозмутимо.

Последовала долгая пауза. Светка обеспокоенно переводила глаза с папы на маму. Отец взял меня за руку и увёл из-за стола в комнату. Там он прогонял меня по всей таблице умножения.

— Откуда ты это знаешь? — спросил он наконец.

— На Светкиной тетрадке написано. Сзади, — сказал я.

Папа проверил. Действительно, на последней странице обложки Светкиной тетради была напечатана таблица умножения.

Папа хмыкнул.

— Слушай, может быть, ты вундеркинд? — спросил он.

— Вполне возможно, — ответил я.

Мы вернулись к столу. Конец ужина прошёл в приподнятой обстановке. Родители поминутно проверяли таблицу умножения, подозревая какой-нибудь фокус, они смеялись и радовались. Светка на меня разозлилась.

Папа стал проявлять ко мне внимание. Выяснив, что я внезапно научился читать и считать, он подсунил мне шахматный учебник. Через четыре дня я обыграл папу в шахматы, поскольку и раньше, в прошлых жизнях, его обыгрывал, когда он появлялся дома. Папа переключил на меня все свои силы и, по-моему, стал забывать о своей машинистке. Но она его не забывала.

Однажды в воскресенье мы с папой отправились в зоопарк. Папа шёл с гордым видом, как бы говоря встречным: «Мой сын — вундеркинд!» У входа в зоопарк нас поджидала красивая молодая женщина с пухлыми губами. Она чем-то напомнила мне мою жену Татьяну. Увидев её, отец растерялся.

— Здравствуйте, Дмитрий Родионович, — сказала она надменно.

— Почему ты... Почему вы здесь? — спросил отец.

— Вы сами говорили, что в воскресенье пойдёте с сыном в зоопарк. Вы же теперь у нас любящий отец, — проговорила она с большим подтекстом.

— Познакомься, Серёжа. Это Людмила Петровна... — Отец засуетился.

Людмила Петровна, не глядя, сунула мне ладошку. Я её не заинтересовал. Мы пошли в зимние помещения зоопарка и пробежались вдоль клеток. Отец нервничал, потому спешил. Людмила Петровна хранила молчание.

— Пойдёмте посидим в мороженице, — сказал отец, когда мы вышли. При этом он заискивающе посмотрел на машинистку. Она равнодушно пожала плечами. Мне стало жаль отца. Я понял, что он по неопытности влип в эту историю и теперь не знает, как из неё выпутаться.

В мороженице мы с Людмилой Петровной сели за столик, а отец встал в очередь за мороженым. Глядя в упор на Людмилу Петровну, я холодно произнёс:

— Людмила Петровна, разве вам не известно, что у отца семья? У него жена и двое детей. Как расценивать в этом случае ваше поведение?

— Как? Как ты сказал? — До неё не дошло.

— Как вы слышали, — продолжал я. — Не надо говорить мне про любовь. То, что происходит, не имеет к ней ни малейшего отношения. Вы пользуетесь служебным положением Дмитрия Родионовича. Наверняка он раньше отпускает вас с работы и делает вид, что не замечает, когда вы вместо редакционных рукописей перепечатываете гороскопы. Разве я не прав?

Людмила Петровна стала медленно сползать со стула.

— Я прошу вас оставить отца в покое. Иначе я приму меры, — строго закончил я.

— Ме... ты... при... что? — залепетала она.

Вернулся отец с мороженым и двумя чашечками кофе. Людмила Петровна, покрывшись пятнами, вскочила со стула и пулей вылетела из мороженицы.

— Что случилось? Что ты сказал тёте? — ошеломлённо спросил отец.

— Я сказал тёте, что у неё вся спина белая! — закричал я своим звонким детским голоском.

Публика вокруг заулыбалась. Отец опустил на стул и выпил одну за другой обе чашечки кофе.

— А может, оно и к лучшему... — прошептал он.

Таким образом, мне удалось отшить Людмилу Петровну. Как я вскоре узнал, она уволилась из редакции. Но это был лишь первый шаг к восстановлению мира и любви в нашей семье. Я никогда не предполагал, какой это кропотливый и длительный процесс. Мне приходилось думать за двух взрослых людей сразу и ещё за свою малолетнюю сестру. Но я отдался этому целиком. Тут важна каждая мелочь. О них так часто забывают в суете будней, думая, что сойдёт и так. Но я уже знал по будущему опыту, что не сойдёт. Я проводил тонкую воспитательную работу. Я понял, что мои родители, вступив в брак молодыми, не были подготовлены к серьёзному душевному труду, каким является строительство семьи. Конечно, мне мешало то, что они принимали меня за малыша, а впрочем, в моём положении были и свои преимущества.

Мне можно было играть в непосредственность. Например, при виде красивой женщины в автобусе я невинно спрашивал папу:

— Правда, наша мама лучше?

Я говорил совершенно искренно. Отец соглашался, сначала неуверенно, но потом со все большим энтузиазмом. Или я предлагал:

— Давай купим маме игрушку!

— Лучше цветы, — говорил папа, а мне только того и нужно было. Мы покупали букетик астр или мимозы, когда наступила весна, и шли домой с чувством, будто сделали что-то хорошее. Мама постепенно оттаивала после истории с машинисткой. Поначалу ей казалось, что отец просто хочет загладить вину, но потом она поняла, что он не хитрит. Любовь нуждается в подтверж-

дении со стороны. Отец находил подтверждение любви у меня — смешно сказать! — пятилетнего мальчика. Я не знаю, для кого он больше старался — для мамы или для меня. Впрочем, это всё равно. Мы были одной семьёй, и любовь у нас была общая, как и должно быть в семье.

Воспитательная работа с мамой складывалась труднее. Необходимо было пользоваться более тонкими методами. Я не боялся сфальшивить, ибо делал это, повинувшись той же любви. Впервые за всю жизнь я стал ощущать тепло своих близких, потому что сам стал отдавать им его. Из всех своих слабеньких сил я старался помогать маме. Я видел её старой и немощной — там, впереди, потому мне было легко и просто. И я не уставал говорить ей о том, какой у меня умный, красивый и самый лучший на свете папа.

Родители стали жить так, будто боялись расплескать вазу с водой. В доме поселилась чуткая тишина, которая временами взрывалась нашим смехом. Нам стало интересно друг с другом. Перед сном мама и папа желали мне спокойной ночи, и я, лёжа в темноте, долго слушал их голоса на кухне. Слов я не разбирал, слышал только интонацию. Так разговаривают внимательные друг к другу люди.

У меня было странное состояние: я чувствовал себя ангелом-хранителем нашей семьи и одновременно семья надёжно охраняла меня от невзгод. В прошлом детстве я не испытывал такого чувства, я помню точно. И в то же время не покидало ощущение хрупкости этого счастья, его недолговечности. Я часто плакал по вечерам в тёмной комнате, зарывшись в подушку. Мне не хотелось становиться взрослым. Взрослым я уже был.

Вскоре я понял, что мама тоже испытывает ощущение хрупкости. Однажды вечером мы остались с нею вдвоём. Папа со Светкой отправились проведать деда в день Советской армии и флота, а у меня была ангина. Я лежал с горящими гландами, и мама поила меня чаем с малиной. Она отставила чашку и вдруг прижалась губами к моей пылающей щеке, крепко обняв. Я почувствовал, что мама дрожит.

— Что с тобой, мама?— спросил я.

— Я боюсь за тебя, боюсь... — повторяла она.

— Я скоро поправлюсь, вот увидишь...

— Я не о том, мой мальчик. Ты ещё не можешь понять. Я боюсь за тебя вообще. Ты слишком добр.

— Разве можно быть слишком добрым? — спросил я.

— Вот именно, что нельзя. На свете много злого, ты ещё узнаешь... Ты беззащитен, потому что добр.

— А разве доброта — это не лучшая защита?

Мама отодвинулась от меня и печально покачала головой:

— Откуда ты такой? Никогда не думала, что сын у меня будет вундеркиндом. Порой мне кажется, что ты всё понимаешь...

— Это так и есть, — кивнул я.

— Сынок, не пугай меня. Ты стал каким-то маленьким старичком. Ну покапризничай, что ли...

— Не бойся, мама, — сказал я.— Я не вундеркинд. Никаких вундеркиндов нет. Просто некоторые дети уже были взрослыми, а их называют вундеркиндами. Они были обыкновенными взрослыми и снова станут ими, когда вырастут.

— Какой сильный у тебя жар, — сказала мама, прикладывая ладонь к моему лбу. — Ты не бредишь, малыш?

— Бредю, — сказал я.

Я поневоле становился центром семьи. Даже Светка, поревновав немного, уверилась в моей гениальности и стала относиться с почтением. Как неотразимо действует гениальность, даже мнимая! Отец, питавший в юности честолюбивые надежды, давно понял, что он — обыкновенный человек не без способностей, которые позволят ему достойно пройти жизненный путь. Но не более. Теперь он переложил надежды на меня и стал одновременно готовить меня к званию чемпиона мира по шахматам, а также к карьере гениального музыканта и поэта. Однажды я написал на двух страничках краткий отчёт о путешествии в 2000 год. Я старался писать ученическим почерком. Это было самое трудное. Отец понёс листки в редакцию, там ему не поверили. Подумали, что он написал это сам. Отец расстроился, однако это ещё более укрепило его в вере. Действительно, на первый взгляд, я проявлял необыкновенные, фантастические способности. А я был просто бывшим взрослым.

Никто вокруг не понимал, что самыми необыкновенными качествами для любого возраста всегда были и будут любовь, доброта, мудрость, а вовсе не умение извлекать звуки из скрипки, составлять фразы или передвигать деревянные фигуры.

Меня это огорчало, я старался не выделяться. Во всяком случае, решительно отказался от всех спецшкол, когда пришло время учиться. Я поступил в ту же школу, где учился когда-то сам и куда ходила моя дочь Даша. Там я снова познакомился со своими будущими друзьями — Максом, Мариной и Толиком. Они были ещё совсем несмышлёными.

Огромных трудов стоило смирять своё честолюбие. Мне так легко было удивлять родных, учителей и сверстников, что это грозило превратиться в профессию. Однако я слишком хорошо знал, что плата за это в будущем — слишком высока. Природа не наделила меня особыми способностями, и по мере приближения к юности золотой запас гениальности непременно бы истаял, поскольку был лишь свалившимся с неба жизненным опытом. Я хорошо понимал, сколь велико будет разочарование близких и злорадство дальних, когда я не оправдаю надежды. Особенно волновал меня отец. Второго крушения надежд он не переживёт. Необходимо было подготовить его к разочарованиям.

Подготовка к разочарованиям — неперемное условие счастья. Мы так любим очаровываться собою и своим будущим, мы настолько необъективны в этом вопросе, что совершенно закономерные преграды, тупики и заминки воспринимаются как несправедливые удары судьбы. Мы слишком много хотим от жизни, забывая, что того же хотят все другие. Но у жизни ограниченный запас счастья. Не стоит стремиться к обладанию большим куском, достаточно уметь наслаждаться малым. Это так ясно становится, когда побродишь по закоулкам собственной судьбы, то и дело натыкаясь на несбывшиеся надежды и мнимые цели. Отец сказал мне:

— Серёжа, ты совсем забросил шахматы. Почему?

— Мне неинтересно, — сказал я.

— Напрасно. В твои годы редко кто так играет. Ты мог бы стать гроссмейстером, когда вырастешь.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы стать потом чемпионом мира.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы быть первым в своей сфере деятельности. Чтобы тебя все знали, — сказал отец, понемногу раздражаясь.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы быть независимым! Ездить по свету! Чтобы тебя все любили! — закричал отец.

— А разве меня не любят? — спросил я.

— Кто? — опешил он.

— Ты. Мама. Светка.

— Любим, конечно... Но... этого мало.

— Мне хватит, — сказал я. — Только любите меня, как я вас. Этого хватит на всю жизнь. И ещё останется.

— Нет, ты не будешь чемпионом мира, — пробормотал отец. — Ты будешь философом.

А я уже давно был философом. Каждый человек, проживший жизнь, непременно становится философом. Иначе грош ему цена.

Нет, я не претендовал на создание новых философских доктрин. Я говорю о философии в житейском смысле.

Когда спрашивают: «Как сделать так, чтобы мне было хорошо?» — это не философия, а эгоизм. Когда спрашивают: «Как сделать так, чтобы всем было хорошо?» — это тоже не философия, а альтруизм.

Философия начинается тогда, когда человек спрашивает себя: «Как примирить первое со вторым?» Ответ на этот вопрос есть, но я его ещё не знаю.

Единственное, чем я с увлечением занимался в новом детстве, была музыка. Мне купили гитару, и я стал ходить в музыкальную школу. Точнее, меня туда водили за ручку — то папа, то мама, то сестра. Я не испытывал унижения. Таковы были условия игры.

К третьему классу я уже сносно играл на гитаре и пел песенки «Битлз» на английском языке, повергая родителей в смущение. В те годы эта музыка ещё не была общепризнанной среди взрослых.

В обычной школе я старался быть как все. Но у меня не получалось быть как все. Когда я пытался убедить своих будущих друзей в необходимости жизненной философии, надо мною смеялись. Уроки мне было скучно готовить, потому я иногда не знал, что мы проходим, и по ошибке обнаруживал свои знания за более старшие классы, а это воспринималось как вызов и пижонство. Я изо всех сил старался смотреть на своих сверстников как на детей. Меня стали бить.

Толпа одноклассников, среди которых были и девочки, подстерегала меня в школьном дворе после уроков. Они набрасывались на меня и били портфелями, стараясь попасть по голове. Напрасно я взывал к их разуму — это обходилось мне в несколько лишних ударов.

Я не отвечал им и не жаловался. Это ещё больше восстанавливало их против меня.

Жизнь стала довольно невыносимой.

На ноябрьские праздники — мне тогда было уже десять лет — в Неву, как всегда, вошли военные корабли, чтобы участвовать в параде. Дед, преподававший тогда в академии, пригласил нашу семью на прогулку. Мы помчались по Неве на военном катере, оставлявшем белопенный след. Командир по-военному приветствовал деда — он был его бывшим учеником и подчинённым.

Дед сам показал нам крейсер. Здесь всё было железным — палуба, пушки, трубы. Наконец мы спустились в кают-компанию, где проходил шефский концерт. Перед моряками выступали пионеры из Дворца культуры имени Ленсовета.

Внезапно дед сказал:

— Серёжа, сыграй и спой тоже. Сегодня праздник.

Я понял, что он, как и отец, ревниво следит за моими успехами. Мне подали гитару, ведущий объявил мою фамилию.

— Только не пой по-английски, я тебя прошу, — напутствовал меня дед.

Я оказался на сцене. На меня смотрели матросы в бескозырках. Что же им спеть? Я взял аккорд и начал:

«Тёмная ночь, только пули свистят по степи, только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают...»

Мой неокрепший голос звенел, как струна, и гитара вторила ему мягкими переборами. Я видел, как отвернулся дед и запрыгал кадык на его жилистой шее, а у молодых матросов потемнели в печали лица. Именно там, на маленькой эстраде кают-компания, я понял, что песню поют не голосом и даже не сердцем, а всею прожитой жизнью. Моя жизнь была велика и изломана мною самим, потому голос звучал мучительно-искренно, волнуя души.

На «бис» я исполнил «Миллион алых роз». После концерта матросы окружили меня, наперебой прося списать слова. И я вспомнил, что песня эта еще не родилась, она появится позже, почему и вызвала такой интерес.

Растроганный дед повёз нас на машине к себе домой, на торжественный обед. По дороге он спросил:

— А что это за песенка про розы, Серёжа?

— Слышал где-то, — уклончиво ответил я.

— Наша лучше, — сказал дед, имея в виду «Тёмную ночь».

В дедовской гостиной, столь знакомой по разным пространствам, был накрыт обеденный стол. На стене

висел портрет бабушки в молодости. Мы расселись за столом в чинном молчании, и дед поднял хрустальный бокал с вином.

— Сегодня мать была бы довольна нами, — сказал он, глядя на бабушкин портрет. — В нашем доме мир и покой. Светлая ей память!

И я вдруг представил себе великое множество пространств, в каждом из которых мы жили — в одних лучше, в других хуже, — я попытался вообразить себе этот день во всех вариантах и настроениях как росток будущей жизни в каждом пространстве, ибо любой день, и даже минута, является ростком будущего. Сейчас в нашей семье царили мир и покой, что не значит, что дальше всё пойдёт гладко, но эту минуту, этот день запоем мы все. В сущности, наше прошлое состоит из мгновений радости и печали, стыда, восторга, унижения, любви. Сейчас было мгновение любви, которое хотелось остановить.

Я выскользнул из-за стола, шепнув маме, что забыл вымыть руки. Но в ванную я не пошёл. Я повернул в дедовский кабинет. Там всё было как всегда. Этот кабинет, как и часы, был абсолютен, он не менялся в пространствах времени. Я приблизился к письменному столу. Часы лежали там же, рядом с чернильным прибором, придавленные канцелярской скрепкой. Я почувствовал волнение. Вот они, мои удивительные, соблазнительные, мучительные! Я соскучился по ним.

Я щёлкнул пальцем по ободку, и часы вылетели из-под скрепки, проскользнули по зелёному сукну стола и полетели по комнате, параллельно полу. Я поймал их и нажал на кнопку замка. Крышка откинулась.

Мне безумно захотелось прыгнуть. Но куда? Зачем? Разве я не убедился уже, что кусочки судьбы не склеи-

ваются в цельную жизнь, а её надобно прожить без пропусков от начала до конца?

Но желание было сильнее. Я пристрастился летать в пространствах. Я стал пленником часов.

Как всегда, сознание услужливо подсунуло доводы. Целую кучу доводов. В семье установилось спокойствие, даже счастье. Моё постоянное присутствие больше не является необходимым, кроме того, его даже не заметят, ибо я оставляю в каждом пространстве своего двойника. Мне скучно и утомительно дожидаться со своими сверстниками, когда я стану совершеннолетним и дед снова подарит мне часы. Меня колотят в школе. Разве не довод? Я хочу снова стать взрослым!

И вдруг я вспомнил про Марину. Мысль обожгла меня. Как я мог забыть, что, пока я здесь устраиваю счастье семьи, а маленькая Марина поджидает меня с товарищами в школьном дворе, чтобы стукнуть портфелем, там, в будущем, буквально прозябает наша любовь, а потом и вовсе Марина становится женою Толика?!

Хоть разорвись, ей-богу! В каждом варианте какая-нибудь неувязка, или «хвост вытащишь — грива увязнет», как говорил мне много лет вперёд один старик в Тюмени, когда я поведал ему о вариантах своей судьбы.

Тем не менее решено. Я лечу туда, к краеугольному камню, к тому валуну, на котором произошло объяснение с Мариной. Там многое определилось. Тот день в комсомольско-молодёжном лагере я помнил по минутам, поэтому не составило труда перевести стрелки и, вздохнув, как перед прыжком с вышки, нырнуть в своё будущее.

Мы снова лежали на валуне. Я с удовлетворением рассмотрел своё юношеское тело — будто примерял

новую одежду после старой, из которой вырос. С такими мускулами можно бороться за счастье. Лежавшая рядом Марина тоже была непохожа на голенастую девочку из третьего класса.

— Сегодня дискотека будет? — спросила она.

— Дискотека? — повторил я.

Мне дико было слышать это слово после метаний по времени.

— Ну да, дискотека, — сказала она.

— Будет, всё будет, — сказал я.

Она повернулась ко мне. В её взгляде я заметил любопытство.

— Ты какой-то не такой...

— Это правда, — кивнул я, разглядывая её.

Я старался снова пережить то мгновенье, тот сладкий миг, когда останавливается дыхание и толчки сердца подступают к горлу. Но ничего не происходило. Передо мною была миленькая и глупенькая девочка, в которой только что, полчаса назад, пробудилось женское начало. Сейчас это начало спросонья смотрело на меня, изумляясь.

— А что там, внутри? — спросила она, дотрагиваясь пальчиком до часов, висящих у меня на шее.

Я молча откинул крышку и показал ей циферблат.

— Ого! — сказала она. — Откуда у тебя это?

— Дед подарил, — сказал я.

— Какие лёгкие, — удивилась она, беря часы в руку. Она наклонилась к моей груди, как тогда, и я почувствовал её прерывистое жаркое дыхание. Она явно чего-то ждала от меня, продлевая эту паузу, а я смотрел на её пылающую щёку и завиток волос рядом с ухом, не в силах не то чтобы поцеловать её, а даже дотронуться.

Бесконечная жалость охватила меня — жалость ко всей её предстоящей жизни, к любовным страданиям, к мукам, с которыми она будет рожать детей; жалость к её старости и далёкой смерти.

— Пойдём? — спросил я, поднимаясь.

— Пойдём, — тряхнула она головой.

И всё. И никакого леса, пахнувшего дыней, никакой кукушки, обещающей нам годы счастья. Ничего этого не было в этом пространстве, потому что я знал и чувствовал слишком много для своих номинальных шестнадцати лет.

Клянусь, я любил её по-прежнему, но между нами лежала пропасть моего опыта, которую было не перескочить. Чувство, испытанное мною, скорее было похоже на то, что я испытал в Тюмени, встретившись с Дашей.

И вот тут я окончательно понял, что первая любовь бывает один раз, сколько бы ни прыгать по пространствам.

Короче говоря, и здесь у меня не получилось стать эгоистом; я снова выбрал альтруизм. Всякий пошатавшийся по времени поневоле становится альтруистом.

Вечером была дискотека. Я танцевал с недоумением, неубедительно. Я уже не находил в этом никакого смысла. Медленные танцы мы танцевали с Мариной, причём я ощущал, что она в моей власти, что она ждёт от меня действий. Но я оставался корректен и предупредителен, как старый аристократ, танцующий со своей шестнадцатилетней дочерью. Толик вертелся рядом, бросая на нас горячие взгляды.

— Мартын, я Максусу скажу, что ты Маринку заклеил, — сказал он, улучив момент.

Я ударил его по лицу. Было гадкое чувство, что я, взрослый человек, бью сопливого щенка. С другой стороны, этот щенок был выше и сильнее меня. Завязалась драка.

Нас пробовали растащить, но Марина вдруг крикнула: — Не надо! Отойдите от них.

Наши образовали ринг, следя за честностью поединка, а мы с Толиком остервенело бились в нём, как молодые петушки. Впрочем, я был старым петушком.

Я бил его за прошлое, когда он трусливо прятался в толпе, поджидавшей меня для расправы, и за будущее, когда он стал мужем Марины. Выяснилось, что убеждённость и духовный опыт значат больше, чем грубая сила. Я побил Толика, к удивлению одноклассников.

— Ладно, Мартын! Ещё посчитаемся! — прохрипел он, стирая с губы кровь.

Я не стал ему говорить, что он однажды уже посчитался со мною в будущем.

Марина спросила, врачую мои раны после драки:

— Серёжа, ты из-за меня дрался?

— Вот ещё! Из-за Максима, — буркнул я.

Кажется, она разочаровалась.

А потом я потратил весь десятый класс, чтобы помирить их с Максом, снова подружить и поддерживать дружбу. Я выращивал их любовь с такой заботливостью, будто они и вправду были моими детьми. Впрочем, я старался и для себя. Я знал, что нам легче будет идти по жизни вместе и что мы никогда не предадим друг друга. А Толик? Мне было его не жалко.

И вот сегодня на календаре — июль 1985 года.

Марина с Максом готовятся поступать на филфак. Наверное, Макс на этот раз поступит. Толик идёт в ин-

ститут советской торговли. Светка уже давно родила племянника Никиту, теперь мне предстоит его воспитывать, потому что я один знаю, в кого он может превратиться. Да и о Петечке надо подумать, чтобы не погряз во всякого рода сомнительных делах.

Мать с отцом на этот раз живут хорошо и дружно. И самое главное, в этом варианте дед не умер, живёт, пишет свои мемуары, которые я уже читал. Но что делать мне? Это вопрос вопросов.

У меня есть моя гитара и жизненный опыт всех вариантов, которого нет ни у кого. Чтобы спеть обо всём, что я знаю, не хватит всей новой жизни, которая дана мне теперь как бы в подарок, как добавочное время в футболе, когда в основное время результат не определился. Я перебираю струны, обзираю варианты судьбы и всех своих двойников, находящихся в разных пространствах. Художнику должны открываться все горизонты жизни одновременно. Я хочу стать художником, хотя понимаю, что одного жизненного опыта, пускай даже причудливого, недостаточно. В сущности, человеку нужна всего одна жизнь, других не надо. Можно всё успеть, если распорядиться ею разумно. Потому мне вряд ли снова понадобятся часы. У меня есть мысль — закончив эти записки, пустить часы из окна, с девятого этажа нашего дома, чтобы они плыли над Землёй в далёкие края и дальние страны, руководимые ветрами и бурями над планетой, пока не попадут в руки кому-нибудь, кто ещё раз попытается найти с помощью них своё счастье.

Может быть, ему повезёт больше.